

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

„РОКОВОЙ ВОПРОСЪ“

Сколько несчастныхъ случаевъ бываетъ вслѣдствіе недоразумѣній! Сколько недоразумѣній бываетъ вслѣдствіе разобщенности нашихъ понятій съ дѣйствительною жизнью! Сколько бѣдъ отъ того, что мысль наша живетъ постоянно въ какой-то фантазмагоріи, въ царствѣ тѣней и призраковъ, гдѣ она сама становится призракомъ, и призракомъ является посреди жизни, смущая и пугая ее!

Сколько, въ самомъ дѣлѣ, недоразумѣній! Сколько бываетъ перегибовъ, въ которыхъ не доберешься ни до начала, ни до конца! Вотъ человѣкъ съ вражескимъ умысломъ, который сумѣетъ увѣрить насъ, что не онъ намъ врагъ, а мы сами себѣ враги, и сумѣетъ повести дѣло такъ, что мы повѣримъ ему и будемъ принимать крѣпкія мѣры безопасности противъ самихъ себя, и будемъ такимъ образомъ дѣлать надъ собою дѣло своего врага, а ему предоставимъ удовольствіе поджигать это дѣло и направлять его какъ ему захочется. А вотъ вамъ еще человѣкъ, не имѣющій въ душѣ своей ни малѣйшаго дурнаго умысла, но и не имѣющій почвы подъ ногами, хотя непрерывно твердящій о почвѣ,—вотъ этотъ человѣкъ, думая совершить гражданское дѣло, совершаетъ дѣйствіе, приводящее всѣхъ въ негодованіе.

Да, странныя бываютъ недоразумѣнія! Пора намъ отрезвлять наши мысли, пора намъ наконецъ серьезно къ чему-нибудь опредѣлиться и стать чѣмъ-нибудь; пора намъ перестать слоняться бродячими призраками среди вопросовъ жизни, пора намъ перестать судить и рядить на основаніи понятій, ничего не понимающихъ, изъ ничего созданныхъ, ни къ чему полезному не пригодныхъ и плодящихъ все недоразумѣнія и недоразумѣнія, роковыя недоразумѣнія!

Читателямъ известна статья „Роковой вопросъ“, напечатанная въ журналѣ *Время*, подвергшемся за нее запрещенію. Мы не помнимъ, чтобы когда-нибудь журнальная статья производила въ нашемъ обществѣ такое сильное негодованіе. Обыкновенно, общественное мнѣніе у насъ не очень чутко и не очень демонстративно. Давно ли еще могли безнаказанно высказываться передъ нимъ неслыханныя нелѣпности, самыя безчестныя и развратныя мысли, которыхъ не стерпѣла бы никакая общественная среда, а наша общественная среда, лишенная всякой жизненной организаціи, приученная къ страдательному положенію, беззащитно предаваемая всякому вліянію, сносила ихъ терпѣливо и даже давала имъ ходъ, тѣмъ болѣе что онѣ являлись предъ нею во всеоружіи цензурнаго одобренія? Но какъ только въ обществѣ пробудилось одно великое, всѣхъ соединяющее чувство, такъ тотчасъ же очистилась наша нравственная атмосфера, и общественное мнѣніе стало серьезно и чутко. Оно стряхнуло съ себя дремоту; въ немъ пробудилась энергія; въ немъ оказалась могущественная сила отпора. Чтò такъ недавно раздавалось громко, самоувѣренно и, повидимому, господствовало надъ общественнымъ мнѣніемъ, то возбуждаетъ теперь омерзеніе и прячется въ трущобу; чтò прежде тѣшило почтеннѣйшую публику, то возбуждаетъ теперь общее и энергическое негодованіе. Еще немного, и вся эта плѣсень исчезнетъ съ расколыхавшейся поверхности нашего общества. Вотъ разница между обществомъ спящимъ и обществомъ пробудившимся! Никакія административныя мѣры, сами по себѣ, не въ состояніи сдѣлать то чтò можетъ сдѣлать внутренняя сила бодрствующая въ самомъ обществѣ, чтò можетъ сдѣлать общественное мнѣніе, когда оно собрано и сосредоточено на одномъ, дѣйствительно общемъ, дѣлѣ. Нечего какими-нибудь искусственными мѣрами прививать къ жизни охранительныя инстинкты,—нечего объ этомъ заботиться, потому что въ

этихъ-то инстинктахъ и состоитъ сила жизни. Надобно только давать ходъ силамъ жизни, призывать ихъ къ дѣятельности, устранять что стѣсняетъ ихъ проявленіе, а не повергать ихъ въ апатію, въ той мысли что чѣмъ менѣе жизни въ обществѣ, чѣмъ менѣе предоставляется дѣйствія его кореннымъ силамъ, тѣмъ будто бы общество спокойнѣе, здоровѣе и безопаснѣе.

Общественное мнѣніе, благодаря пробудившемуся патриотическому чувству, стало внимательно, чутко, и обнаруживаетъ энергію, какой прежде не было замѣтно въ немъ. Оно было оскорблено статьею, о которой мы упомянули. Со всѣхъ сторонъ стекались къ намъ заявленія негодованія, которое было возбуждено ею. Патриотическое чувство, пробудившееся съ такою силой, не могло допустить, чтобы не въ станѣ враговъ, а среди русскаго общества, раздался странный голосъ въ пользу притязаній враждебныхъ Россіи. Оно никакъ не могло допустить, чтобы въ средѣ русскаго общества кто-нибудь бралъ на себя должность судьи между русскимъ и польскимъ дѣломъ, между православіемъ и католичествомъ, и подъ личиною судейскаго безпристрастія произносилъ приговоръ въ пользу польской цивилизаціи и латинства; оно не могло стерпѣть возмутительную мысль, будто бы Полякъ, во глубинѣ души своей, на столько чувствуетъ себя выше Русскаго, что не можетъ стоять съ нимъ наравнѣ, а непременно долженъ получить преобладаніе. Будь что-либо подобное, или еще хуже того, написано Полякомъ, будь что-либо подобное написано тономъ полемическимъ, съ запаломъ страсти, общество скорѣе могло бы стерпѣть. Оно могло бы отвѣчать презрѣніемъ на подобную выходку; но оно было глубоко возмущено, слыша подобныя разсужденія отъ человека, назвавшего себя Русскимъ, и какъ бы ни сильно выразилось это негодованіе, оно было бы совершенно естественно и справедливо. Мы не будемъ излагать содержаніе вышеозначенной статьи, не будемъ возобновлять то тяжелое чувство, которое она возбудила, тѣмъ болѣе что и самый журналъ, въ которомъ она появилась, постигнуть административною карой.

Что же однако выходитъ? Статья была писана совѣмъ не съ тѣми намѣреніями, которыя въ ней оказались. Авторъ этой статьи—не переодѣтый Полякъ, а дѣйствительно Русскій, —и Русскій, который въ этой самой статьѣ хотѣлъ заявить свое патриотическое чувство и послужить своему народу. Кто

повѣритъ этому? Не знаемъ, повѣритъ ли кто-нибудь, но мы не могли не повѣритъ. Авторомъ статьи оказался литераторъ извѣстный намъ по своему образу мыслей, и, по нашему личному убѣжденію, вовсе не способный къ какимъ-нибудь измѣнническимъ замысламъ. Авторъ этой статьи, г. Страховъ, извѣстенъ многими статьями философскаго и критическаго содержанія и предпринятымъ имъ переводомъ сочиненія нѣмецкаго профессора Куно Фишера объ исторіи новѣйшей философіи. Г. Страховъ былъ постояннымъ противникомъ того пошлаго матеріализма, съ задорными ухватками, который распространился было въ нашей литературѣ. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была на столько успѣшна, что явственно отдѣлила его отъ грязныхъ кружковъ петербургской журналистики, которые относились къ нему съ ожесточеніемъ и злобою, что могло бы льстить его самолюбію, еслибы только чье-нибудь самолюбіе могло придавать значеніе людямъ этого сорта. Но, къ сожалѣнію, статьи его всегда заключали въ себѣ что-то туманное и неопредѣленное и какъ-будто ничѣмъ не оканчивались. Въ нихъ чувствовалась мысль добрая по своему настроенію, но воспитанная въ праздныхъ отвлеченностяхъ, въ безплодномъ схематизмѣ понятій. Г. Страховъ, какъ сказано, занимается философіей и храбро причисляетъ себя къ послѣдователямъ гегелевской философіи, давно умершей, похороненной и всѣми забытой. Не печальное ли это явленіе? Люди занимаются сами не зная чѣмъ, сами не зная зачѣмъ. Богъ знаетъ, какимъ образомъ вдругъ возникаютъ у насъ разныя направленія, ученія, школы, партіи. Какія дѣйствительныя причины могли бы возбудить у насъ въ человѣкѣ потребность, не вымышленную, а серіозную, заниматься гегелевскою философіей, и что значать эти занятія ничѣмъ не вызываемыя, ничѣмъ не поддерживаемыя, ни къ чему не клонящіяся, ни къ чему не ведущія? Съ какими преданіями они связываются, къ чему они примыкаютъ, на чемъ стоятъ? И дѣйствительно ли развился у насъ такъ широко философскій интересъ, что у насъ могутъ являться спеціалисты по разнымъ нѣмецкимъ системамъ? Какой смыслъ представляетъ изъ себя русскій человѣкъ, становящійся послѣдователемъ системы, выхваченной изъ дѣлага ряда нѣмецкихъ системъ, и отдѣльно не имѣющей никакого значенія ни у себя дома, ни для посторонняго наблюдателя?

Съ гегелевскою философіей у г. Страхова соединилось еще

какое-то особаго рода славянофильство, состоящее въ исканіи какихъ-то началъ народныхъ, ни на что не похожихъ, нигдѣ не существующихъ, но долженствующихъ откуда-то прилетѣть,— въ исканіи какой-то почвы,— словомъ, въ повтореніи того что такъ словообильно говорится у насъ вездѣ, гдѣ только возникаетъ рѣчь о матеріяхъ важныхъ. Что чувство несостоятельности нашего учено-литературнаго образованія, эфемерности идей и направленій въ нашей литературѣ, есть чувство весьма естественное, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но изъ этой печальной истины вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ толки о несостоятельности и эфемерности нашей цивилизаціи, которые теперь пуще всего слышатся въ нашей литературѣ, заключали въ себѣ что-нибудь правдивое и дѣльное. Кто поручится, что и самое недовольство фальшью не есть въ иныхъ устахъ точно такая же фальшь? Кто поручится, что во всѣхъ этихъ фразахъ о своенародныхъ началахъ, о твердой почвѣ, о самобытности и о прочемъ тому подобномъ, высказывается не та же самая пустота мысли, противъ которой протестуютъ эти фразы? Дѣло не въ томъ что мы говоримъ, а въ томъ, какъ мы добрались до того что говоримъ, изъ какихъ источниковъ идутъ наши слова. Слова — символы, и противоположные символы могутъ легко приурочиться къ одному и тому же. Одинъ и тотъ же духъ пустословія можетъ высказываться въ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ и взаимно отрицающихъ одна другую фразахъ.

Намъ давно хотѣлось поговорить объ этихъ такъ-называемыхъ народныхъ началахъ, объ этой *трансцендентальной* напряженности, съ какою толкуютъ у насъ о народныхъ началахъ. Чего хотятъ эти господа, какихъ народныхъ началъ они ищутъ, какая самостоятельность для нихъ требуется, какой это правды имъ захотѣлось?

Увы! мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что всѣ эти модные у насъ теперь толки о народности, о коренныхъ началахъ, о почвѣ и т. п. не обращаютъ мысль ни къ народности, ни къ кореннымъ началамъ, не приводятъ ее къ чему-нибудь дѣльному, а напротивъ еще пуще уносятъ ее въ туманъ и пустоту. Въ этомъ-то туманѣ и разыгрываются всѣ недоразумѣнія нашихъ мыслителей и пророчествующихъ народолобцевъ. Мы смѣемъ увѣрить этихъ господъ, что они возвратятся къ народу и станутъ на почву, о

которой они такъ много толкуютъ, не прежде какъ переставъ толковать о ней и занявшись какимъ-нибудь болѣе серьезнымъ дѣломъ. Не прежде эти мыслители обрѣтутъ то чего ищутъ, какъ прекративъ свои исканія. Не прежде станутъ они дѣльными людьми, какъ переставъ пророчествовать и благовѣствовать. Не прежде станутъ они и русскими людьми, какъ переставъ отыскивать какой-то таинственный талисманъ, долженствующій превратить ихъ въ русскихъ людей. Они наткнутся на искомую народность не прежде какъ переставъ отыскивать ее въ какихъ-то превыспренныхъ началахъ, въ пустотѣ своей ничѣмъ незапятой и надутой мысли. Если эти господа дѣйствительно чувствуютъ потребность выйдти изъ этой пустоты и очутиться посреди живой дѣйствительности, то сдѣлать это вовсе не такъ трудно какъ имъ кажется: для этого не требуется никакого напряженія, никакого воздвѣнія очей и рукъ горѣ, не требуется никакихъ гримасъ, никакого пророчества, никакого благовѣательства,—напротивъ, все это надобно бросить, все это и есть тотъ гашшъ, которымъ они себя дурманяютъ; и когда они перестанутъ все это дѣлать, то они eo ipso очутятся посреди живой дѣйствительности, посреди народа, на твердой почвѣ. Когда столбнякъ пройдетъ, и человекъ очнется, и не зрячіе глаза его станутъ зрячими, и онъ осмотрится вокругъ, и увидитъ себя въ извѣстномъ мѣстѣ, среди извѣстныхъ обстоятельствъ, у какого-нибудь дѣла, забытаго имъ за важными матеріями, и онъ примется за дѣло и будетъ вести его съ толкомъ, на яву, а не во снѣ, то онъ несомнѣнно будетъ человекомъ дѣльнымъ, полезнымъ, а въ придачу получитъ и народность, и самостоятельность, и начала, и элементы, и почву. Что бы кто ни дѣлалъ, — большое или малое, все равно, — надобно лишь дѣлать толково, отчетливо, на яву, а не во снѣ. А главное, — не говорить ни одного слова, не отдавъ себѣ въ немъ яснаго отчета и не зная къ чему въ дѣйствительности оно относится. Язва нашего времени, — язва, свирѣпствующая не у насъ однихъ, но повсюду, — есть страсть пророчествовать, поучать человечество и благодѣтельствовать ему. Никто не хочетъ ничего сказать спроста, всякій топырщится и лѣзетъ изъ кожи; у всѣхъ вдохновеніе во взорѣ и волосы дыбомъ; всѣ созерцаютъ, пророчествуютъ, благовѣствуютъ или бичуютъ.

Народныя начала! Коренныя основы! А что такое эти начала? Что такое эти основы? Гдѣ ихъ взять? Что за звѣрь эти начала и эти основы? Представляется ли вамъ, господа, что-нибудь совершенно ясное при этихъ словахъ? Коль скоро вы, по совѣсти, должны сознаться, что при этихъ и подобныхъ словахъ, въ головѣ вашей, не рождается столь же ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, какъ при имени хорошо извѣстнаго вамъ предмета, то бросьте эти слова, не употребляйте ихъ и заткните уши, когда васъ будутъ подбивать ими. Лучшій способъ стать дѣльнымъ человѣкомъ, — не выходить изъ круга ясныхъ понятій, какъ бы ни былъ онъ тѣсенъ. Задача умственного образованія въ томъ главнымъ образомъ и состоитъ, чтобы человѣкъ съ совершенною точностію чувствовалъ и зналъ что такое знать, что такое понимать, и не могъ смѣшивать съ дѣйствительною мыслию всякое праздное возбужденіе ума, ту темную игру представлений, которая ничѣмъ не разнится отъ грезъ. Пусть лучше человѣкъ ошибочно понимаетъ вещи и судитъ односторонне; но пусть только онъ съ полною ясностію представляетъ себѣ то что думаетъ и что говорить, и вотъ онъ уже будетъ стоять на почвѣ, а не висѣть на воздухѣ.

Что же такое народныя начала, по которымъ требуется перестроить нашу жизнь и переладить нашу цивилизацію? Если это есть нѣчто не существующее, то, погнавшись за ними, мы тутъ-то какъ разъ и потеряемъ почву подъ ногами и повиснемъ на воздухѣ, потому что почва или ничего не означаетъ, или означаетъ что-либо существующее. Если же искомыя нами народныя начала—нѣчто дѣйствительно существующее, то мы иначе и найдемъ ихъ не можемъ, какъ отрезвившись, раскрывъ глаза и обратившись къ тому что непосредственно окружаетъ насъ, обратившись безъ всякихъ мудрований и ухищреній. Первымъ признакомъ нашего обращенія на путь истины будетъ и теоретическое, и практическое уваженіе къ существующему. Если вы отправитесь въ глубь вѣковъ отыскивать ваши начала, то вы точно также сорветесь съ почвы и удалитесь отъ искомаго, какъ и въ томъ случаѣ, если устремите вашъ незрячій взглядъ въ будущее; и тамъ и тутъ подвергнетесь вы одинаковому риску, и тамъ и тутъ потеряете вы голову. Хотите сохранить ее въ невредимости,—

останьтесь гдѣ стоите, и займитесь прежде всего тѣмъ что у васъ подъ рукою.

Бѣда наша еще не въ томъ, что мы плохо учены, мало образованы, что цивилизація у насъ не широка и не богата: наша бѣда состоитъ только въ томъ, что мы, всякаго рода умники, не признаемъ, не понимаемъ, наконецъ, просто не видимъ того что вокругъ насъ живетъ и движется. Оттого существующее вокругъ насъ темно, черно, лишено для насъ смысла, а мысли наши пусты, ни къ чему непригодны и бездѣльны. Оттого мы все и тянемся куда-то, чего-то все ищемъ; оттого мы и пророки, и благовѣстители, и въ то же время большая дрянь во всѣхъ отношеніяхъ.

Итакъ, мы не придаемъ большого значенія вошедшимъ у насъ теперь въ моду жалобамъ на нашу цивилизацію. Жалоба жалобѣ рознь. Конечно, мы имѣемъ много основаній жаловаться на условія нашей общественной организаціи, имѣемъ много основаній жаловаться на состояніе нашихъ школъ и университетовъ, на положеніе нашей литературы, въ которой могутъ еще рождаться такіа произведенія, какъ романъ г. Чернышевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой литературѣ не появляется на свѣтъ, относительно, такъ много всякой мерзости. Нигдѣ общественное мнѣніе не находится въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ какъ у насъ, и нигдѣ вслѣдствіе того общественное слово не подвергается такому злоупотребленію. Нигдѣ такъ много не пророчествуютъ, не верхоглядствуютъ, не благовѣствуютъ какъ у насъ, нигдѣ такъ не празднословятъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ все это не является въ такой отчаянной несоразмѣрности съ количествомъ дѣльной мысли, серіознаго труда и разумнаго слова. Нигдѣ, наконецъ, такъ много не толкуютъ о народныхъ началахъ, о почвѣ, о самостоятельности, о заимствованной цивилизаціи, которую слѣдуетъ бросить, о самобытной цивилизаціи, которую доажно начать сызнова. Все это признаки дѣйствительно неутѣшительные. Но какова бы ни была наша цивилизація, какъ бы ни были грустны явленія происходящія въ нашей литературѣ, въ нашей *soi-disant* умственной жизни, цивилизація наша есть фактъ, отъ котораго мы не можемъ отпереться. Хороша или дурна наша цивилизація,—она есть фактъ, и этого факта уничтожить мы не можемъ, не уничтожая себя самихъ и всего насъ окружающаго. И не цивилизація наша дурна, а дурны мы сами

потому что мы ничѣмъ серьезнымъ не занимаемся, а только пророчествуемъ. Напротивъ, наша цивилизація есть дѣло очень хорошее и совершенно необходимое; уничтожать ее отнюдь не слѣдуетъ, Боже сохрани! Мы въ правѣ желать лучшаго, мы можемъ желать большаго; но ничего не можемъ мы приобрести, ничего не можемъ сдѣлать иначе какъ на основаніи того что уже имѣемъ, никакого улучшенія не можемъ мы достигнуть иначе какъ на основаніи уже существующаго. Науки, у насъ не процвѣтаютъ, это правда; но мы не можемъ отказаться отъ того малаго что мы еще имѣемъ въ нашей скудости; напротивъ, стараться мы должны не о томъ, чтобы все это бросить и обзаводиться сызнова, а чтобъ изъ малаго и плохаго вышелъ какой-нибудь прокъ, чтобъ оно приумножилось и улучшилось.

Нѣтъ, мы должны дорожить нашею цивилизаціей, а не бросать ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы ее заимствовали, а не выработали изъ народныхъ началъ. Всѣ другъ у друга заимствуютъ, всѣ другъ у друга учатся, и люди, и народы. Кто бы ни помогъ намъ выучиться, напимѣръ, математикѣ,—это все равно, лишь бы только мы хорошо выучились ей и умѣли употреблять ее въ дѣло. Дурно было бы не то, что мы у кого-нибудь учились ей, а дурно было бы то, еслибъ оказалось, что мы плохо учились, болѣе занимаясь квадратурой круга, или изыскивая способы какъ бы устроить торжественную встрѣчу параллельныхъ линій.

Хлопоты о разныхъ превысшихъ предметахъ большею частію свидѣлствуютъ о праздности мысли, мѣшаютъ людямъ заняться чѣмъ-нибудь положительнымъ и стать чѣмъ-нибудь на пользу общества, на пользу народа, о которомъ мы такъ усердно толкуемъ, доискиваясь коренныхъ началъ его, съ цѣлію создать изъ нихъ нѣчто небывалое и неслыханное. Мы говоримъ о народѣ, о его коренныхъ началахъ, и не замѣчаемъ того, что становимся игрушкой самой злой ироніи: чѣмъ болѣе мы толкуемъ о народѣ и о его началахъ, тѣмъ болѣе отходимъ отъ народа и отъ его началъ, и чѣмъ болѣе предаемся исканіямъ какой-то почвы, тѣмъ болѣе теряемъ всякую почву у себя подъ ногами.

Наша бѣда вовсе не въ свойствахъ нашей цивилизаціи, а въ томъ, что у насъ постоянный разладъ между словомъ и мыслию, между мыслию и дѣломъ. Не передѣлывать нашу цивилизацію сызнова на какой-нибудь особенный

ладъ, а по возможности прекратить нашу обычную болтовню, освободить нашу умъ отъ напыщенности фразъ, которыя заѣдаютъ ее, отрезвиться и быть проще и естественнѣе во всемъ,—вотъ ближайшая задача нашей цивилизаціи, и мы сдѣлаемъ безмѣрный шагъ впередъ, если намъ удастся рѣшить эту задачу удовлетворительнымъ образомъ.

До какихъ грустныхъ послѣдствій доводитъ людей неестественность и вычурность мысли, примѣромъ тому можетъ служить статья г. Страхова. Мы получили отъ него письмо, въ которомъ онъ свидѣлствуетъ о чистотѣ своихъ намѣреній и о чувствѣ одушевлявшемъ его. Намѣренія у него были хорошія. И что же однако вышло? Съ его позволенія мы воспользуемся нѣкоторыми мѣстами его письма, объясняющими его намѣренія и въ то же время объясняющими, почему эти намѣренія не могли не извратиться въ своемъ выраженіи. „Мнѣ дорогъ мой патріотизмъ, пишетъ онъ намъ, какъ дороги каждому чувства его души“, и въ своей статьѣ, такъ оскорбившей, такъ возмущившей русское чувство, онъ имѣлъ наивную надежду послужить органомъ этому самому чувству! Онъ пишетъ намъ далѣе: „Я полагалъ, что не всякое патріотическое чувство удовлетворится голословными похвалами и восклицаніями, что найдутся люди, которые потребуютъ прочныхъ и глубокихъ основъ для своего патріотическаго чувства, и потому старался глубже вникнуть въ вопросъ.“ Онъ старался глубже вникнуть въ вопросъ! Вотъ въ этомъ-то вся и бѣда. вмѣсто того чтобы заодно съ ними мыслить, чувствовать и дѣйствовать, онъ пустился вникать глубже въ вопросъ. Онъ забылъ и почву, и народное чувство, и событія, происходящія теперь у всѣхъ передъ глазами, и погрузился въ метафизику „вопроса“. Что же онъ вынесъ изъ этой глубины? Онъ говоритъ:

„Я старался показать, что осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо далѣе чѣмъ это обыкновенно дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію, заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ, приняты отъ Рима.

„Обратно я старался показать, что гордясь собою, мы, Русскіе, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, т.-е. не останавливаться въ своемъ патріотизмѣ на обширности и крѣпости государства, а обратить свое благо

говѣніе на русскія народныя начала, на тѣ глубокія духовныя силы Русскаго народа, отъ которыхъ безъ сомнѣнія зависитъ и его государственная сила.

„Такое смыслъ моей статьи и другаго вѣтъ въ ней!

„Мы не можемъ“, писалъ я въ заключеніе, „отказаться отъ вѣры въ свое будущее.“ „Въ цивилизаціи заемной и внѣшней мы уступаемъ Полякамъ, но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизаціи народной, коренной, здоровой мы превосходимъ ихъ.“ (стр. 161.)

„Глубоко вѣруя въ „элементы духовной жизни Русскаго народа“, я смѣло говорилъ о польской цивилизаціи, о всѣхъ ея притязаніяхъ. Я не пугаясь смотрѣлъ въ глаза авторитету Европы, который теперь возсталъ на насъ...

„Мы выше Поляковъ“, говоритъ г. Петерсонъ. Кто жь говоритъ противное? И я этому вѣрю, и я это чувствую. Я только жалѣлъ, что мы должны доказывать наше превосходство нашею кровію, нашими побѣдами и погромами, а иначе *никто намъ не поверитъ*. Еслибы въ Европѣ была твердая мысль о нашемъ превосходствѣ, еслибы хоть предчувствіе этого превосходства могло существовать въ Польшѣ, не было бы польскаго вопроса, и мы не шли бы и не посылали бы нашихъ дѣтей и братьевъ на битву противъ Поляковъ.

„Европа давно уже отталкиваетъ насъ, давно уже смотритъ на насъ какъ на враговъ, какъ на чужихъ. Когда же мы наконецъ перестанемъ подолжаться къ ней и стараться увѣрить и себя и другихъ, что и мы Европейцы? Когда наконецъ мы перестанемъ обижаться, когда намъ скажутъ, что мы сами по себѣ, что мы не Европейцы, а просто Русскіе, что отъ Европы скорѣе всего намъ можно ожидать вражды, а не братства?

„Если я погрѣшилъ, то, если возможно, погрѣшилъ избыткомъ патриотизма. Пусть тѣ, кто негодуетъ на мою статью, выкинуть хорошенько въ источникъ своего негодованія, они убѣдятся, что оно происходитъ изъ затронутого народнаго самолюбія; а именно это самолюбіе заговорило во мнѣ и нашло въ моей статьѣ можетъ-быть слишкомъ рѣзкое выраженіе.

„Есть самолюбія, которыя удовлетворяются малымъ; ужели же можно обвинить меня за то, что я пожелалъ для Россіи *слишкомъ многого*, что я выразилъ нетерпѣливое ожиданіе *правственной побѣды* Россіи надъ Европою?“

Не грустно ли это? Не грустно ли видѣть такую путаницу недоразумѣній? Человѣкъ хотѣлъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразить свое народное самолюбіе, свой патриотизмъ, и что же сдѣлалъ? Онъ оскорбилъ это самолюбіе, онъ возмущилъ это патриотическое чувство. Онъ возбудилъ патриотизмъ, но возбудилъ его совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ: онъ вооружилъ противъ самого себя всю силу этого чувства. Кто же тутъ виноватъ? Народъ ли, общество ли, или

пророкъ, который взялся проникнуть въ глубину народнаго духа, и попалъ неожиданно въ лагерь враговъ своего народа?

Онъ „старался показать, что осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо дальше чѣмъ обыкновенно это дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ принятый отъ Рима.“ Онъ не хотѣлъ удовольствоваться тѣмъ, что „обыкновенно дѣлается“; онъ желалъ совершить нѣчто необыкновенное; онъ хотѣлъ „основательно“ осудить Поляковъ, и простереть свое осужденіе на величайшія ихъ святыни. Но зачѣмъ же это? Боже мой! Зачѣмъ такое осужденіе? Зачѣмъ такая страшная анаеема? Поляковъ осуждаютъ вовсе не за цивилизацію ихъ, не за религію ихъ. Никакой надобности и никакого права не имѣемъ мы осуждать ихъ за это. Поляковъ осуждаемъ мы за тѣ притязанія ихъ, которыхъ удовлетворить мы не можемъ, и которыя должны встрѣтить съ нашей стороны самый несоговорчивый, самый рѣшительный, самый энергическій отпоръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Возымѣвъ намѣреніе основательно осудить Поляковъ, авторъ *Роковаго вопроса* пожелалъ съ меньшей основательностью возгордиться своею народностію; онъ равномерно пожелалъ простереть эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, и обратитъ свое благоговѣніе на русскія начала, на глубокія духовныя силы русскаго народа. Увѣряемъ г. Страхова, что еслибы онъ удовольствовался тѣмъ „что обыкновенно дѣлается“, еслибы онъ не погружался въ глубину съ своею гордостью и съ своимъ благоговѣніемъ, то и народная гордость его вѣрнѣе нашла бы себѣ удовлетвореніе, и благоговѣніе его не превратилось бы въ кощунство и наругательство.

Во глубинѣ своего созерцація, г. Страховъ пришелъ къ той мысли, что яблокомъ раздора между Европой и Россіей служитъ польская цивилизація. Онъ увѣренъ что Европа видитъ въ польской цивилизаціи свое дорогое дѣтище, и отстаиваетъ ее отъ нашего варварства. Онъ вообразилъ себѣ, что вся эта суматоха, которая поднялась въ Европѣ по польскому дѣлу, произошла отъ того, что Европа видитъ въ Польшѣ цвѣтъ своей цивилизаціи, которому грозитъ опасность

говѣнне на русскія народныя начала, на тѣ глубокія духовныя силы Русскаго народа, отъ которыхъ безъ сомнѣнн я зависитъ и его государственная сила.

„Такоеъ смыслъ моей статьи и другаго нѣтъ въ ней!

„Мы не можемъ“, писалъ я въ заключеніе, „отказаться отъ вѣры въ свое будущее.“ „Въ цивилизаціи заемной и вѣншей мы уступаемъ Полякамъ, но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизаціи народной, коренной, здоровой мы превосходимъ ихъ.“ (стр. 161.)

„Глубоко вѣруя въ „элементы духовной жизни Русскаго народа“, я смѣло говорилъ о польской цивилизаціи, о всѣхъ ея притязаніяхъ. Я не пугаясь смотрѣлъ въ глаза авторитету Европы, который теперь возсталъ на насъ..

„Мы выше Поляковъ“, говоритъ г. Петерсонъ. Кто жь говорить противное? И я этому вѣрю, и я это чувствую. Я только жалѣлъ, что мы должны доказывать наше превосходство нашею кровію, нашими побѣдами и погромами, а иначе *никто намъ не поверитъ*. Если бы въ Европѣ была твердая мысль о нашемъ превосходствѣ, если бы хоть предчувствіе этого превосходства могло существовать въ Польшѣ, не было бы польскаго вопроса, и мы не шли бы и не посылали бы нашихъ дѣтей и братьевъ на битву противъ Поляковъ.

„Европа давно уже отталкиваетъ насъ, давно уже смотритъ на насъ какъ на враговъ, какъ на чужихъ. Когда же мы наконецъ перестанемъ подолбаться къ ней и стараться увѣрить и себя и другихъ, что и мы Европейцы? Когда наконецъ мы перестанемъ обижаться, когда намъ скажутъ, что мы сами по себѣ, что мы не Европейцы, а просто Русскіе, что отъ Европы скорѣе всего намъ можно ожидать вражды, а не братства?“

„Если я погрѣшилъ, то, если возможно, погрѣшилъ избыткомъ патриотизма. Пусть тѣ, кто негодуетъ на мою статью, выкинутъ хорошенько въ источникъ своего негодованія, они убѣдятся, что оно происходитъ изъ затронутого народнаго самолюбія; а именно это самолюбіе заговорило во мнѣ и нашло въ моей статьѣ можетъ-быть слишкомъ рѣзкое выраженіе.

„Есть самолюбія, которыя удовлетворяются малымъ; ужели же можно обвинить меня за то, что я пожелалъ для Россіи *слишкомъ многого*, что я выразилъ нетерпѣливое ожиданіе *нравственной побѣды* Россіи надъ Европою?“

Не грустно ли это? Не грустно ли видѣть такую путаницу недоразумѣній? Человѣкъ хотѣлъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразить свое народное самолюбіе, свой патриотизмъ, и что же сдѣлалъ? Онъ оскорбилъ это самолюбіе, онъ возмутилъ это патриотическое чувство. Онъ возбудилъ патриотизмъ, но возбудилъ его совсемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ: онъ вооружилъ противъ самого себя всю силу этого чувства. Кто же тутъ виноватъ? Народъ ли, общество ли, или

пророкъ, который взялся проникнуть въ глубину народнаго духа, и попалъ неожиданно въ лагерь враговъ своего народа?

Онъ „старался показать, что осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо дальше чѣмъ обыкновенно это дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ принятый отъ Рима.“ Онъ не хотѣлъ удовольствоваться тѣмъ, что „обыкновенно дѣлается“; онъ желалъ совершить нѣчто необыкновенное; онъ хотѣлъ „основательно“ осудить Поляковъ, и простереть свое осужденіе на величайшія ихъ святыни. Но зачѣмъ же это? Боже мой! Зачѣмъ такое осужденіе? Зачѣмъ такая страшная анаѣема? Поляковъ осуждаютъ вовсе не за цивилизацію ихъ, не за религію ихъ. Никакой надобности и никакого права не имѣемъ мы осуждать ихъ за это. Поляковъ осуждаемъ мы за тѣ притязанія ихъ, которыхъ удовлетворить мы не можемъ, и которыя должны встрѣтить съ нашей стороны самый неговорчивый, самый рѣшительный, самый энергическій отпоръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Возымѣвъ намѣреніе основательно осудить Поляковъ, авторъ *Роковаго вопроса* пожелалъ съ меньшей основательностью возгордиться своею народностію; онъ равномерно пожелалъ простереть эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, и обратитъ свое благоговѣнне на русскія начала, на глубокія духовныя силы русскаго народа. Увѣряемъ г. Страхова, что если бы онъ удовольствовался тѣмъ „что обыкновенно дѣлается“, если бы онъ не погружался въ глубину съ своею гордостію и съ своимъ благоговѣніемъ, то и народная гордость его вѣрнѣе нашла бы себѣ удовлетвореніе, и благоговѣнне его не превратилось бы въ кощунство и наругательство.

Во глубинѣ своего созерцаія, г. Страховъ пришелъ къ той мысли, что яблокомъ раздора между Европой и Россіей служитъ польская цивилизація. Онъ увѣренъ что Европа видитъ въ польской цивилизаціи свое дорогое дѣтище, и оставляетъ ее отъ нашего варварства. Онъ вообразилъ себѣ, что вся эта суматоха, которая поднялась въ Европѣ по польскому дѣлу, произошла отъ того, что Европа видитъ въ Польшѣ цвѣтъ своей цивилизаціи, которому грозитъ опасность

со стороны Россіи. Въ пустотѣ называемой глубиною всякая мысль легко можетъ придти въ голову, и человекъ теряетъ побужденіе отдать себѣ отчетъ въ ней. Г. Страховъ очень спокойно, самъ не замѣчая того, принялъ точку зрѣнія, которая какъ нельзя лучше соответствуетъ видамъ Поляковъ и даетъ смыслъ самымъ безумнымъ изъ ихъ притязаній. Въ самомъ дѣлѣ, посудите, какой характеръ принимаетъ тяжба между Россіей и Польшей, когда вамъ говорятъ, что Польша есть передовая постъ европейской цивилизаціи, что въ Польшѣ Европа видитъ и должна видѣть дѣло цивилизаціи, и что точно также должна смотрѣть на нее и сама Россія? Если это такъ, то все русское общество, все что есть въ Россіи мыслящаго и цивилизованнаго, должно умолкнуть и предоставить Полякамъ все чего они требуютъ, а себя отдать на волю Божію. Борьба между всемірною цивилизаціей, которую будто бы представляетъ собою Польша, и варварствомъ, которое будто бы остается на долю Россіи, есть борьба невозможная. Но русскій мыслитель, какъ оказывается, не хотѣлъ этого сказать: онъ любитъ свое отечество и увѣренъ въ его будущности. Онъ не только любитъ свое отечество, но онъ любитъ его *необыкновенно*, и глубоко вникаетъ въ него своею любовью. Онъ не просто увѣренъ въ будущности Россіи, но увѣренъ въ чемъ-то такомъ что преемственнѣе всякаго разумнія и ускользаетъ отъ всякой оцѣнки: онъ увѣренъ, что если теперь Европа напираетъ на насъ своею цивилизаціей, то Россія въ послѣдствіи времени побѣдитъ эту цивилизацію. Онъ имѣетъ въ резервѣ таинственные народныя начала и не менѣе таинственную почву, и зритъ какъ въ будущемъ разовьется изъ нихъ новая великая цивилизація, которая преодолѣетъ врата адовы и низложитъ европейскую цивилизацію. Онъ стало-быть видитъ борьбу не между цивилизаціей и безнадежнымъ варварствомъ, онъ видитъ борьбу между цивилизаціей настоящаго и цивилизаціей будущаго. Цивилизація настоящаго есть Европа съ своимъ дѣтищемъ Польшей, а цивилизація будущаго остается за Россіей. Но такъ какъ въ дѣйствительности существуетъ только настоящее, а будущее потому и будущее что его въ личности не имѣется, то противными партіями оказывается съ одной стороны дѣйствительно существующая сила, а съ другой фантазія пророка, которому стало даже совѣстно

развивать свою фантазію въ отпоръ дѣйствительной силѣ, и онъ вынужденъ былъ довольствоваться только слабыми и стыдливymi намеками на таинственную глубину своихъ уединенныхъ созерцаній, такъ что въ статьѣ его представились ясно только преимущества нашихъ враговъ, а наши исчезли въ туманѣ. Очень естественно, что статья г. Страхова должна была оскорбить и возмутить всѣхъ русскихъ людей, которые лишены дара пророческаго ясновидѣнія и живутъ, какъ всѣ люди, въ обыкновенномъ, общемъ для всѣхъ мірѣ. По здравому смыслу, по обыкновеннымъ условіямъ дѣйствительности, тонкіе пророческіе намеки должны были показаться очень грубымъ предательствомъ, которое въ самый разгаръ борьбы объявляетъ дѣло враговъ своего отечества дѣломъ цивилизаціи. Никто не могъ понять и оцѣнить того безмѣрнаго великодушія, той щедрости метафизика-патріота, который отдавая Полякамъ европейскую цивилизацію вознаграждалъ за то свое отечество фантастическими видами на будущее. Грубая Россія не могла оцѣнить этотъ щедрый даръ; мы почти увѣрены, что и никакая другая страна на свѣтѣ не оцѣнила бы этого дара и не промѣняла бы существующей цивилизаціи на благодать обѣщанную пророкомъ. Грубость здраваго смысла никогда не промѣняетъ существующаго на несуществующее, и всегда скажетъ: „не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки“. Но главное еще не въ томъ. Главное вотъ въ чемъ: можетъ ли здравый смыслъ допустить, что въ настоящемъ спорѣ между Россіей и Европой рѣчь идетъ о цивилизаціи? Много ли нужно сообразительности для того чтобы понять какое значеніе имѣютъ всѣ эти возгласы, которыми до сихъ поръ наполнялись европейскіе журналы? Кому не извѣстно, что тамъ гдѣ печать имѣетъ силу, она, какъ и всякая цѣнная вещь, становится предметомъ купли, продажи и найма. Кому неизвѣстно, что большая часть крикливыхъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ могутъ быть закупаемы и покупаются разными партіями и правительствами, что множество европейскихъ газетъ наняты польскою партіей, которая употребляетъ всѣ усилія чтобы поднять свое дѣло въ Европѣ? Всѣ эти сдѣлки производятся въ европейскомъ журнальномъ мірѣ совершенно открыто, и всѣмъ извѣстно какъ много та или другая партія платитъ журналу, не только за адвокатство въ ея

дѣлъ, но и за всевозможныя извращенія истины въ ея интересѣ. Тутъ есть разныя степени услугъ и вознагражденій, точно также какъ бываютъ разныя степени купли и продажи въ судахъ и администраціи: есть благорасположеніе и услужливость съ благовиднымъ гонораріемъ, есть всякаго рода крючкотворство болѣе или менѣе наглае, съ столь же наглыми взятками. Если, въ разныхъ европейскихъ журналахъ, насъ топтали въ грязь и превозносили польскую цивилизацію, то это дѣлалось вовсе не по убѣжденію въ достоинствахъ этой послѣдней, а вслѣдствіе той же всемогущей причины, которая побуждала газеты принимать въ свои столбцы фальшивыя телеграммы, завѣдомо ложныя корреспонденціи и завѣдомо несогласныя съ дѣломъ толкованія. Мы можемъ смѣло увѣрить г. Страхова, что никто изъ мыслящихъ политическихъ людей въ Европѣ не обольщаетъ себя достоинствами польской цивилизаціи, и что если достоинства эти выставялись на видъ, то это дѣлалось или просто за взятку, или въ какихъ-нибудь политическихъ видахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ польскою цивилизаціей, ни съ Польшею вообще. Если въ британскихъ палатахъ было сказано кое-что лестное о польской національности въ это послѣднее время, то въ тѣхъ же самыхъ палатахъ, въ другое время, вопросъ объ этой національности возбуждалъ только смѣхъ; да и теперь иронія чувствуется за каждымъ словомъ, которое произносится тамъ въ пользу Поляковъ, и тамъ просятъ только о томъ чтобы не длить понапрасну агонію умирающей національности.

Люди живущіе не въ облакахъ, люди не отыскивающіе почвы, а по закону тяготѣнія естественно находящіеся на ней, очень хорошо знаютъ, что въ спорахъ между Россіей и Европой никогда не было рѣчи о цивилизаціи. Всѣ очень хорошо знаютъ, напримѣръ, что въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ дѣло шло вовсе не о цивилизаціи, что сама же Англія была ея союзницею въ этой борьбѣ, и что побѣда Россіи возвратила Европѣ и свободу, и цивилизацію. Наконецъ, всѣ очень хорошо знаютъ, что въ послѣднюю войну, когда тоже вся Европа была противъ насъ, и когда мы отбивались отъ нея на бастіонахъ Севастополя, дѣло шло тоже не о цивилизаціи: дѣло шло, какъ извѣстно, о Турціи, которую Европа отнюдь не признаетъ за свое дѣтище. Неужели наши метафизики скажутъ и тутъ, что Европа, вооружаясь на насъ за Турцію, дѣйствовала изъ благого-

вѣнія къ святынь Корана, и что намъ предстояло, „осуждая Турокъ, дѣлать это основательно и простирать наше осужденіе глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію заимствованную отъ Запада, на ихъ католицизмъ принятый отъ Рима“? А между тѣмъ за Турцію Европа вооружалась на насъ съ ожесточеніемъ, съ какимъ никогда не вооружится за Польшу, несмотря на то, что въ Польшѣ есть дѣйствительно нѣкоторая „цивилизация, заимствованная отъ Запада, и католицизмъ, принятый отъ Рима“. Польша никогда не была и никогда не будетъ истиннымъ предметомъ споровъ между нами и Европой; Польша всегда была и всегда будетъ, пока длится ея агонія, только орудіемъ, только средствомъ, только предлогомъ. Ни однимъ шиллингомъ не пожертвуетъ Англія на польскую цивилизацію и на польскій католицизмъ; Германія же отдастъ послѣдній пфенигъ, чтобы только не допустить возстановленія Польши съ ея цивилизаціей, которая обратилась въ пословицу у Нѣмцевъ, называющихъ „польскимъ хозяйствомъ“ (polnische Wirthschaft) всякую неурядицу и безобразіе. Франція видитъ въ Польшѣ также не цивилизацію, а вассала, слугу и chair à canon.

Католицизмъ! Европа возстаетъ на насъ за католицизмъ, господствующій въ Польшѣ! Католицизмъ—символь европейской цивилизаціи! Католицизмъ, который съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ, теряетъ свое значеніе, свой авторитетъ въ Европѣ, католицизмъ, который недавно подвергался сокрушительнымъ ударамъ въ самой Италіи, былъ предметомъ всяческаго позора и терпѣлъ крайнее униженіе, католицизмъ, который, если не нынче, такъ завтра, долженъ будетъ отказаться отъ своего характеристическаго отличія, отъ своего зловреднаго преимущества, отъ своей фальшивой основы, заключающихся въ свѣтской власти папы! Неужели за права папы, за святыню католицизма ополчилась на насъ и Англія,—Англія, гдѣ благочестивые люди видятъ въ папѣ ни болѣе, ни менѣе какъ антихриста, а всѣ вообще видятъ въ католицизмѣ самую зловредную язву,—въ Англіи, гдѣ католицизмъ есть предметъ такой ненависти и такого презрѣнія, какихъ нѣтъ у насъ и тѣни. Поистинѣ, надобно быть русскимъ благовѣстителемъ и пророкомъ, чтобы хоть на минуту, остановиться на мысли о польской цивилизаціи и католицизмѣ какъ пред-

метахъ спора между Россіей и Европой въ настоящее время. Смѣемъ увѣрить г. Страхова, что еслибъ европейскимъ государственнымъ людямъ, особенно английскимъ и германскимъ, пришлось хозяйничать въ Польшѣ при тѣхъ условіяхъ какъ хозяйничаемъ мы, такъ тамъ въ самомъ скоромъ времени не было бы и помина ни о польской національности, ни о святыхъ католицизма. Европейская цивилизація расправилась бы тамъ съ этими святынями несравненно успѣшнѣе нашего варварства, такъ какъ она уже расправилась съ ними въ присоединенныхъ къ Германіи польскихъ земляхъ, гдѣ, какъ на примѣръ въ Восточной Пруссіи, народъ стыдится говорить по-польски, а католическая религія находится въ презрѣннѣи. Что касается до православной церкви, то она мало извѣстна въ Европѣ, но противъ нея нѣтъ всеобщаго предубѣжденія. Всегда были просвѣщенные люди которые понимали ея значеніе и уважали ее, и если фанатическіе паписты считаютъ насъ раскольниками, то не-паписты, даже при нѣкоторыхъ догматическихъ разногласіяхъ, готовы предпочесть ее католицизму. Давно ли г. Гладстонъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ, религіознѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей Англіи, нынѣшній канцлеръ казначейства, въ бытность свою на Ионическихъ островахъ, въ качествѣ верховнаго правителя, благоговѣнно принималъ благословеніе отъ православныхъ архіепископовъ и ходилъ на молитву въ греческія церкви? А между тѣмъ можно съ увѣренностію сказать, что г. Гладстонъ отнюдь не сталъ бы лобызать туфлю его святѣйшества папы.

Равномѣрно и предрасудки касательно нашего варварства давно уже потеряли кредитъ въ Европѣ. Насъ не считаютъ варварами, но насъ мало уважаютъ, потому что мы сами не уважаемъ себя. Насъ между прочимъ не уважаютъ за то, что мы слишкомъ выбиваемся изъ силъ чтобы походить не на себя, и еще до сихъ поръ наши интимныя мысли, наши дружескія объясненія и конфиденціальныя сообщенія творимъ на французскомъ языкѣ. Насъ не уважаютъ также за то, что мы все ищемъ какой-то почвы, что толкуемъ о какихъ-то началахъ, что мы все куда-то тянемся, и хотимъ быть Русскими не просто по-русски, а по какой-нибудь нѣмецкой метафизикѣ. Насъ не уважаютъ за то же, за что не уважаютъ и соплеменниковъ нашихъ Поляковъ; но насъ все-таки болѣе уважаютъ чѣмъ ихъ, потому что люди просвѣщенные и опыт-

ные, несмотря на весь сумбуръ, которымъ щеголяютъ наши умники, несмотря на наши французскіе разговоры, несмотря на наше гримасничанье, все-таки чувствуютъ за нами здоровыя и крѣпкія силы цивилизаціи, которой нужно только освободиться отъ недоразумѣній и ложныхъ ассоціацій, отвлекающихъ умы отъ настоящаго дѣла.

Европейская цивилизація не считаетъ насъ своими врагами. Напротивъ, европейская цивилизація ожидаетъ нашего содѣйствія, и нѣтъ сомнѣнія, что это содѣйствіе чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ значительнѣе, и благотворнѣе. Европа нуждается въ насъ; могущественная, крѣпкая, самостоятельная Россія не замѣнима въ системѣ дѣлаго міра. Ея значеніе возрастаетъ и будетъ обнаруживаться все сильнѣе, все могущественнѣе и глубже. По болтовнѣ журнальныхъ крикуновъ и салоннымъ разговорамъ, по возгласамъ разныхъ агитацій, никакъ нельзя судить объ истинныхъ отношеніяхъ Европы къ Россіи. Если она стѣсняетъ на насъ, если она противъ насъ злобствуетъ, то истинныя причины къ тому заключаются не въ томъ, чтобы она желала нашего уничтоженія, а въ томъ, что мы сами недостаточно цѣнимъ себя и недостаточно дѣйствуемъ для удовлетворенія тѣхъ всемірныхъ потребностей, которыя ждутъ себя удовлетворенія отъ Россіи.

Мы имѣемъ всѣ элементы великой, могущественной, столько же всемірной, сколько и народной цивилизаціи. Но мы найдемъ эти элементы и воспользуемся ими только тогда, когда перестанемъ искать ихъ. Эти элементы не въ мечтахъ, не въ фантазіи; эти элементы обрѣтаются въ существующемъ. Они вокругъ насъ, они въ насъ; они въ томъ что мы презрительно отталкиваемъ отъ себя, ища чего-то лучшаго. То что для насъ теперь темно и мелко, и дурно, и презрительно, и ничтожно,—то самое дастъ намъ всѣ эти элементы, какъ только мы сумѣемъ взглянуть на себя самихъ и на все насъ окружающее съ должной точки зрѣнія, какъ только мы сумѣемъ приравнять нашу мысль, наши понятія къ окружающей насъ дѣйствительности, освѣтить ее и дать полный ходъ ея силамъ. Идеалы будущаго служатъ всегда отговоркою для праздноя и лѣнливой мысли. Не въ призракахъ будущаго, а въ настоящемъ должны мы искать себя точки опоры,—въ томъ что есть на лицо, въ томъ что теперь существуетъ. Мы должны цѣнить нашъ народъ и

любить наше отечество въ ихъ настоящемъ, какъ бы повидимому оно ни мало соответствовало нашимъ недопеченымъ идеаламъ. Мы должны взять вещи такъ какъ онѣ есть и не передѣлывать ихъ въ фантазію по нашимъ понятіямъ, а, напротивъ, прежде всего постараться поставить нашу мысль такъ, чтобы мы могли видѣть ихъ должнымъ образомъ и разобрать то что въ нихъ есть существеннаго и случайнаго. Причину недовольства окружающимъ прежде всего должны мы, умники, пророки и благовѣстители, искать въ самихъ себѣ, и только тогда всѣ наши преобразованія будутъ вполне полезны, когда мы будемъ надлежащимъ образомъ преобразовывать самихъ себя, то-есть наши воззрѣнія и понятія.

Наши мыслители сочинили свою космологію, и имѣютъ ее въ виду, когда толкуютъ о происходящемъ въ мірѣ дѣйствительномъ: можно представить себѣ сколько происходитъ отсюда всякой неаѣности! По ученію этихъ мыслителей, существуютъ какіе-то два міра, изъ которыхъ одинъ называется Европой, или Западомъ, а другой—Россіей, и эти два міра не имѣютъ между собою ничего общаго и взаимно исключаютъ другъ друга. Можетъ-быть эта космологія и очень хороша сама по-себѣ, можетъ-быть и въ самомъ-дѣлѣ было бы очень пріятно и желательнo устроить два такіе міра; но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности ничего подобнаго не оказывается. Въ дѣйствительности, Россія есть одна изъ самыхъ коренныхъ силъ Европы; въ числѣ пяти великихъ державъ она составляетъ Европу, въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ, и только какъ великая европейская держава извѣстна она цѣлому міру, только въ такомъ качествѣ имѣетъ она значеніе и силу. Точно также не оказывается никакой особенной западной цивилизаціи, которой должна противостоять особая исключительно русская цивилизація: въ дѣйствительности есть, во-первыхъ, одна всеобщая, всемірная цивилизація, которая связываетъ всѣ народы, которая втягиваетъ, наконецъ, въ свою сферу и Китай и, Японію, и во-вторыхъ, есть индивидуальныя цивилизаціи отдѣльныхъ историческихъ народовъ,—цивилизациі, въ которыхъ выразился трудъ ихъ жизни и которые составляютъ капиталъ каждаго народа въ особенноти. Европейскіе народы, находясь подъ условіемъ общей всѣмъ и обязательной для всѣхъ цивилизаціи, тѣмъ не менѣе глубоко

и существенно разнятся между собою. Стоитъ только взять для примѣра двѣ самыя крайнія западныя страны чтобы видѣть какъ въ одно и то же время обязательна общая цивилизація, и какъ рѣзко обрисовывается индивидуальная цивилизація Англии и Франціи во всемъ, начиная отъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій до мельчайшихъ подробностей быта. Россія точно также подлежитъ условіямъ общей цивилизаціи, обязательнымъ и для государства русскаго, и для каждаго русскаго человѣка въ отдѣльности. Но въ то же время Русскій народъ и Русское государство обладаютъ свойственными имъ условіями быта и развитія. Вмѣстѣ съ европейскою, или лучше сказать всемірною системою цивилизаціи, къ которой существенно принадлежитъ и Россія, возможна и необходима особенная русская самостоятельная цивилизація. Но обѣ эти цивилизаціи не исключаютъ одна другую; напротивъ, онѣ живутъ одна въ другой, взаимно другъ друга усиливаютъ, и образуютъ неразрывное единство. Развивать свою собственную цивилизацію не значитъ отрицать или отбрасывать европейскую цивилизацію, воевать съ нею и преодолевать ее. Напротивъ, развивая свою собственную цивилизацію, мы глубже и дѣйствительнѣе будемъ удовлетворять требованіямъ цивилизаціи всемірной.

Авторъ *Роковаго Вопроса* отважился явиться для оцѣнки горячихъ событій съ тою фантастическою космологіей, о которой мы сейчасъ говорили. Міръ распадается на двѣ половины: Западъ и Россія. Западъ блещетъ всеми цвѣтами радуги и исполненъ всѣхъ благъ католицизма и цивилизаціи, а Россія не только отсутствіе всего этого, но и нѣчто всему этому радикально противоположное. Но это же самое говорятъ и польскіе враги, честя насъ Монголами и Гуннами. Огромная разница оказывается только въ метафизикѣ: наши враги считаютъ насъ неспособными ни къ какой цивилизаціи; наши благовѣстители обѣщаютъ намъ напротивъ высочайшее, величайшее, глубочайшее развитіе, окрыляютъ насъ гордою мыслию, что мы создадимъ новую всемірную цивилизацію а доселѣ существующую побѣдимъ, что доселѣ существовавшая цивилизація, къ которой, къ сожалѣнію, всѣ привыкли и съ которою мы сами сжились, исчезнетъ какъ навожденіе духа тьмы, а мы водворимъ на землѣ Царствіе Божіе. Но

при такой громадной разницѣ въ метафизикѣ, воззрѣнія нашихъ благовѣстителей и нашихъ поносителей совершенно сходятся въ фактъ: Россія и съ той, и съ другой точки зрѣнія оказывается страной чуждою и враждебною цивилизаціи. Теперь спрашивается, съ какимъ чувствомъ русское общество должно слышать подобныя разсужденія посреди событій, напрягающихъ всѣ его силы? Со стороны врага подобныя разсужденія совершенно естественны; но въ устахъ Русскаго они столь же естественно должны были возбудить всеобщее негодованіе. Въ устахъ Русскаго подобныя рѣчи зазвучали для всѣхъ измѣною и предательствомъ; а выходитъ между тѣмъ, что Русскій хотѣлъ этими рѣчами утѣшить своихъ соотечественниковъ, возвысить ихъ духъ и оправдать ихъ дѣло предъ лицомъ всего міра.

Скажите, что свидѣтельствуютъ подобныя явленія? А они вовсе не рѣдкость у насъ; мы только не замѣчаемъ ихъ, потому что не всегда обнаруживаются они въ такомъ поразительномъ видѣ, какъ статья *Роковой Вопросъ*. Такихъ роковыхъ вопросовъ могли бы мы набрать бездну изъ всего того что пишется и говорится у насъ.
